

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 27–35
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):27–35

Научная статья
УДК 327:123:93/94
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-27-35

ПРОТИВОРЕЧИЯ И СОВМЕСТИМОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ И ГЛОБАЛЬНЫХ ПОТОКОВ

Танзиля Алтафовна Нигматуллина¹, Людмила Олеговна Терновоя²✉

¹Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений, Уфа, Россия, ufabist@ufabist.ru

²Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия, 89166272569@mail.ru✉

Аннотация. В статье представлен анализ одного из главных противоречий современной эпохи. По мнению авторов, оно состоит в неспособности глобальных потоков, к которым сейчас относятся не только перемещения людей, товаров и услуг, капиталов, идей, но и свободная передача знаний, учитывать особенности самых разных пространств, понимаемых как в географических, так и проблемных координатах. Авторами выделены основные причины такого конфликта, связанные со сложностями многогранной трансформации социальной реальности. Также отмечены теоретические аспекты, относящиеся к изучению взаимодействия глобальных потоков и конкретных пространств, в частности, проявившиеся в постмодернистской методологии. Предлагаются некоторые направления развития исследований взаимодействия глобальных и пространственных акторов, на основе которых возможно осуществлять практические шаги по снижению накала конфликтности между ними.

Ключевые слова: глобальные трансформации, поток, свобода перемещений, пространство, региональная интеграция, поток знаний

Для цитирования: Нигматуллина Т. А., Терновоя Л. О. Противоречия и совместимость социальных пространств и глобальных потоков // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 27–35. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-27-35>

Research article

CONTRADICTIONS AND COMPATIBILITY OF SOCIAL SPACES AND GLOBAL FLOWS

Tanzilya A. Nigmatullina¹, Ludmila O. Ternovaya²✉

¹Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa, Russia, ufabist@ufabist.ru

²Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russia, 89166272569@mail.ru✉

Abstract. The article presents an analysis of one of the main contradictions of the modern era. According to the authors, it consists in the inability of global flows, which now include not only the movement of people, goods and services, capital, ideas, but also the free transfer of knowledge, to take into account the features of a wide variety of spaces, understood both in geographical and problematic coordinates. The authors have identified the main causes of such a conflict associated with the complexities of the multifaceted transformation of social reality. Also noted are theoretical aspects related to the study of the interaction of global flows and specific spaces, in particular, manifested in postmodern methodology. Some directions for the development of research on the interaction of global and spatial actors are proposed, on the basis of which it is possible to take practical steps to reduce the intensity of conflict between them.

Keywords: global transformations, flow, freedom of movement, space, regional integration, knowledge flow

For citation: Nigmatullina T. A., Ternvaya L. O. Contradictions and compatibility of social spaces and global flows. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2023;(4(61)):27–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-27-35>.

Категорию «пространство» с полным правом можно считать одной из древнейших координат, посредством которых регулировалась жизнь и отдельного человека, и социума. Первоначальные представления о пространстве, сконцентрированные в символике мирового древа — *arbor mundi* — задавали опоры архаичной модели мира. Они же позволили наполнить пространство конкретными образами, превратив его из враждебной среды в обитаемую, которую древние греки, начиная с Геродота, использовавшего этот термин в книге 3 «История», называли ойкуменой (др.-греч. *οἰκουμένη* — заселенная земля). Древние римляне известный им мир величали *orbis terrarium* (лат. круг земной, вселенная). Во время государства Шан, существовавшего с 1554 по 1046 год до нашей эры, возникло понятие «Поднебесная, обозначающее территории, находящиеся под властью китайского императора. У древних славян термин «пространство» развивал представление о своей земле, которая была пространной, т. е. широкой, просторной.

И в последующие столетия роль пространства в формировании мировосприятия не уменьшалась. Над его сущностью размышляли философы, его осваивали торговцы и пилигримы, оно манило бесчисленных завоевателей. Неудивительно, что сформировался длинный ряд синонимов, каждый из которых подчеркивает какую-то значимую характеристику пространства. Оно может выражать как близь и даль. Пространство готово предстать в виде простора, но способно явиться перед человеком как просвет, промежуток, прогалина. Пространство имеет силу растворяться в эфире, но не менее очевидно его стремление замкнуться в какой-нибудь особенной зоне. Современная эпоха немыслима без освоения Интернет-пространства, киберпространства, космического пространства. Пространство приобрело отраслевое лицо, став пространством науки или искусства. Все это многооб-

разие потребовало совершенствования пространственного анализа, переноса его в сферу экономики, культуры, политики, международных отношений [1–2].

Именно в области международных отношений пространственный анализ смог полностью доказать свою не только теоретическую, но и практическую ценность. На рубеже XIX и XX столетий одновременно с ростом международной конкуренции, сопровождавшимся бурной милитаризацией, возникает теоретическая ветвь геополитики, которую сразу же понимают как инструмент обоснования борьбы государств за жизненное пространство. Уже после завершения Второй мировой войны, а затем речи сэра Уинстона Черчилля о европейском единстве 19 сентября 1946 г. в Цюрихе, а еще позже — после подписания 25 марта 1957 г. в Риме Договора, учреждающего Европейское Сообщество, — возникла потребность углубления понимания сути регионального пространства как территории, успех развития которой во многом определяется ликвидацией препятствий на пути свободного передвижения людей, товаров, услуг и капитала.

Уже сам дух Римских соглашений 1957 года был порожден энергией этого свободного движения, требующего ликвидации любых барьеров, и запросом самого регионального пространства на процветание, сотрудничество, мир. В рамках европейской региональной интеграции, идущей во второй половине прошлого столетия достаточно продумано и не очень торопливо, неизбежно возникающие противоречия между интересами потоков свободных перемещений идей, людей, капиталов, товаров и услуг, с одной стороны, и необходимостью сохранения специфики пространства как его уникального социально-политического, экономического, историко-культурного, конфессионального, лингвистического лица, с другой стороны, не были пугающими ни для лидеров европейских государств, ни для их населения. Опасность, несомую такими потоками,

для сохранения идентичности пространства чувствовали лишь наиболее прозорливые государственные деятели. Известно, что, будучи президентом Французской Республики, генерал Шарль де Голль дважды накладывал вето на вступление Великобритании в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). Он рассматривал Соединенное Королевство как «трянского коня» Соединенных Штатов Америки, опасаясь, что ЕЭС при посредничестве Великобритании обретет качество не регионального интеграционного объединения, а станет зоной свободной глобальной торговли.

Справедливость проявленной де Голлем осторожности по отношению к глобальным потокам была доказана в конце XX века. Тогда масштабные трансформации в политике, экономике, информационной и иных сферах развернулись во всю мощь и, несмотря на свое многообразие, в разных пространствах проявили удивительно похожие способности [3]. Эти способности были определены самой сутью потока, отличающегося мощностью, бурным течением, которое не пугало своей непредсказуемостью. Чтобы разобраться в источнике этой дикой силы, следует обратиться к этимологии понятия «поток». В романо-германские языки это слово пришло из праиндоевропейского **pleu-*, что значит «течь, плыть», дав основу английскому слову *flow*, означающему «поток», а также, нидерландскому слову *vloeien* — «течь», древнескандинавскому *floa* — «затоплять» и др. И в славянских языках понятие «поток» связывается с представлением о течении воды. Однако у славян имелось иное прочтение данного термина. Его происхождение виделось от глаголов «ткать», «ткнуть», а не от глагола «течь». В этом случае поток означал «изгнание» того, что ему казалось лишним, ненужным, избыточным.

При подходе к глобальным трансформациям, когда они уподобляются потоку, применимы все смыслы, которые разъясняет этимология понятия «поток». Наиболее продуктивным из этих смыслов можно назвать характеристику темпоральности, возникающую на основе общности представлений о течении воды и течении времени. Учет темпорального фактора очень важен при подходе к потоку как череде социальных, экономических, политических, ду-

ховно-нравственных и других трансформаций. Здесь можно вспомнить, что на начальных стадиях европейской интеграции ее организаторы говорили о необходимости следовать модели разных скоростей. Любое искусственное ускорение потока перемен способно разрушить преобразуемое пространство, а не улучшить его качества. Показателен пример Украины, которая 28 февраля 2022 г. подала официальную заявку на членство в Европейском союзе (ЕС). И в этот же день восемь государств-членов ЕС подписали письмо в поддержку ускоренного процесса вступления Украины. Но если разобраться в том, насколько с того времени Украина стала соответствовать интеграционным критериям, то выяснится, что река ее социально-экономических и политических преобразований потекла вспять.

Второе прочтение потока уже как процесса изгнания актуально, когда для последующих преобразований необходимо избавиться от того наследия, которое кому-то из лиц, заинтересованных в переменах мешает. Часто такое изгнание происходит в самой примитивной, а еще и противоправной форме. Если продолжить пример Украины, то там идут сразу несколько процессов с таким смыслом: уничтожение памятников, связанных с советским прошлым; переименование улиц и населенных пунктов; запрет русского языка в публичном пространстве; гонения на Украинскую православную церковь (Московского патриархата) и т. д. Надо учитывать общеисторическую закономерность, которая стоит в том, что у «потока-изгнания» имеются две неразрывные стороны. Первая — очищает место для преобразований. Вторая — создание новой ткани социально-политических, экономических или иных взаимодействий. Их качество не может не зависеть от того, каким образом проходило очищение. Если первая сторона позволяет описать с помощью природной метафоры течения, которые отражают объективную потребность в преобразованиях, то вторая сторона через метафору «ткчества», обращает внимание на субъективные, искусственные, рукотворные свойства перемен [4, с. 101–116].

Как уже отмечалось, к глобальным потокам обычно относят масштабные перемещения людей, идей, капиталов, товаров и услуг

[5, с. 102–112]. Исходя из природы потока, в каждом из них важно находить проявление их двойственного характера. В наиболее простом виде этот дуализм обнаруживается в том, что каждый из глобальных потоков имеет открытую, верхнюю, светлую часть, которая несет позитивные перемены. Но одновременно с ними имеется закрытая, нижняя и темная часть каждого глобального потока. Связанные с ней процессы негативны, но могут быть криминальными, усиливающими беспорядок в том пространстве, куда они направлены. В качестве примера таких действий чаще всего приводят миграцию населения. Это — один из самых древних потоков. Не случайно два его исторических проявления имеют эпитет «великий»: Великое переселение народов в IV–VII веках и Великие географические открытия, начавшиеся в XV столетии и продолжавшиеся до XVII века. Миграция обладает такими яркими проявлениями потока в его первой части как трудовая и интеллектуальная миграция. Она же в своей темной части обнаруживает нелегальные каналы трансграничных перемещений, торговлю людьми и др. Если оценить поток капиталов, то в нем есть активные инвестиционные процессы, развивающие национальную экономику, поддерживающие международные экономические связи, при этом имеются потоки теневого капитала, явления отмывания доходов. Более того, теневая составляющая отмывочного потока проникает в другие области. Например, в экологической сфере она превращается в гринвошинг (англ. *greenwashing*, по аналогии с *whitewash* — отбеливание). В спорте возникло явление спортвошинга (англ. *sportswashing* — отмывание спортом), то есть использования спорта в целях улучшения репутации не как отдельных атлетов или тренеров, а также команд, видов спорта и государств. Показательный пример — одиннадцатые Олимпийские Игры нового времени, которые состоялись в 1936 году в Берлине и явились платформой для развертывания нацистской пропаганды и личного возвеличивания Гитлера.

Любопытно, что до недавнего времени среди глобальных потоков не упоминался поток знаний. В этом можно искать проявление точки зрения, что знания не имеют двойственной

природы, которая присуща всем остальным глобальным потокам. Одной из очевидных характеристик обмена знаниями выступает его публичная сторона. Открыто осуществляется индивидуальный и коллективный обмен информацией, навыками, опытом. Даже закрытые учебные заведения готовят своих выпускников к публичной карьере, например, швейцарская школа *Le Rosey*, занимающая, по версии *Forbes*, первое место в списке лучших школ-пансионов мира. Обмен знаниями — это обязательное условие для инноваций, создания и закрепления конкурентоспособности индивидов, организаций и социальных общностей [6, с. 39–54]. Уже в глубоком прошлом мыслители отмечали, что в открытости знаний заключается их самодостаточность. К античному афоризму восходит одна из наиболее популярных формул: «*Knowledge itself is power*» («Знание само по себе — сила»), которую приписывают английскому философу, публицисту, государственному деятелю Френсису Бэкону (1561–1626).

Нельзя не остановиться на таком основании, которое препятствовало отнесению передачу знаний к явлениям потокового порядка, как организованность обучения, не позволяющая отделять обмен от управления знаниями. Управленческие усилия были направлены на то, чтобы и организационно, и проблемно закрепить ответственность разных социальных институтов за конкретные сферы и уровни образования (домашнее обучение, военная подготовка, высшее образование и пр.). Неудивительно, что между этими областями и уровнями обустроились весьма прочные перегородки (можно вспомнить миниатюру Аркадия Райкина, в которой выпускника школы в институте призывали забыть все, чему учили в школе, а выпускника вуза на производстве наставляли забыть то, что узнал в высшей школе). Образовательное пространство выглядело сегментированным. Понимание, что такое препятствие мешает полноценному получению образования, явилось основанием для Болонского процесса, в число главных принципов которого входит поощрение академической мобильности. И она уже есть шаг к превращению обмена знаний в поток.

Опыт европейской интеграции показал императивность этого перехода. Об этом же говорил в мае 2023 г. Президент России Владимир Путин во время заседания лидеров государств, участвующих в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Тогда В. Путин предложил к четырем свободам передвижения товаров, услуг, финансов и человеческого капитала в рамках этого объединения добавить пятую свободу — «свободу знаний, которая реализовывалась бы на основе общих принципов и стандартов образования, здравоохранения и государственного управления» [7]. Необходимость таких действий обусловлена изменением содержания понятия «свобода», теряющего смыслы безграничности, безбашенности и безнаказанности. Их можно было найти в операции «Несокрушимая свобода» (англ. *Operation Enduring Freedom, OEF*), принятой США в ответ на террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года.

Отмеченная в предложении Президента Российской Федерации свобода передвижения знаний на практике приобретает достаточно жесткие рамки, ибо она должна развиваться в одном русле с принципами и стандартами, касающимися, в первую очередь, здравоохранения и государственного управления. Эта связь определена как актуализацией проблем здоровья после пандемии COVID-19, так и привлечением все большего числа людей к здоровому образу жизни. Но в этом частном потоке есть и то общее для всех них новое качество, заключающееся в ослаблении стихийности и повышении управляемости.

Общемировые потоки не пролегают в едином русле. Во многих точках нашей планеты они сталкиваются, образуя своеобразные водовороты, в которые оказываются затянутыми не только находящиеся рядом люди, организации, государства, но и те, кто надеялся, что в этом мальмстрёме погибнут его геополитические, геоэкономическое, духовные, религиозные и прочие конкуренты. Современный миропорядок отличается от предыдущих периодов не тем, что он более сложен, а тем, что в нем созревают и разворачиваются острые конфликты, и многие из присущих ему противоречий не разрешаются, а становятся основанием

для кризисов, перетекающих из одного типа или региона планеты в другой.

Суть отличий социальной картины наших дней от ее предшественниц состоит в новом качестве этих противоречий. Во-первых, они приобретают свойства всеобщности, отличной от той, которая раньше ассоциировалась с глобализацией. Свойственная ей совокупность интеграционных процессов в социально-экономической, политической, культурной и конфессиональных областях, имеющая целью создание унифицированных моделей развития, полностью не исчезла. Но сейчас общность таких усилий достаточно четко канализировалась в рамках либеральных управленческих паттернов, которые попадают во все большую зависимость от либеральных ценностей [8–10].

Во-вторых, все шире останавливается разрыв между социальной реальностью и ее интерпретациями, которые могут самым причудливым образом преподносить причину неурядиц в любой из областей жизнедеятельности, часто сводя крупную проблему до мелочной или, наоборот, раздувая единичный случай до всеобщей закономерности. Легче всего это достигается не просто на уровне индивида, а на обращении к его телесности, гендерной идентичности.

В-третьих, сами противоречия современного мира обозначаются не на одной линии, в конце которой можно увидеть их противоположность, например, война и мир, нищета и благоденствие, пандемия и здоровое общество, отчаяние и счастье и т.д. Новая конфигурация противоречий близка к постмодернистской модели ризомы. Этот термин в философский дискурс был введен в середине 1970-х годов Жилем Делёзом и Феликсом-Пьером Гваттари [11]. Буквально «ризома» означает «корневище». Метафора «корня», «корней» присуща европейскому мышлению в целом, она часто встречается и в российском контексте. Термин «ризома» обозначает не «стержневой корень», из которого «растет», «развертывается» определенное явление, уже, в сущности, в нем заложенное и им предопределенное. Под «ризомой», скорее, понимается, «клубень» или «луковица», «грибница». По мнению Ж. Делёза и Ф.-П. Гваттари, невозможно выделить ни начала, ни кон-

ца, ни центра, ни центрирующего принципа («генетической оси»), ни единого кода ризомы. Эти авторы указывали на способность ризомы порождать несистемные и неожиданные различия, отличающиеся настолько, что их нельзя противопоставить по наличию или отсутствию какого-либо признака. Согласно им, ризома характеризуется линиями членения, по которым направляется со «сравнительными скоростями» движение, формирующее ее организацию. В результате соединения таких линий ризомы образуется так называемое «плато». Его философы-постмодернисты увидели как временную зону устойчивости, обладающую пульсирующей конфигурацией.

Действительно, нельзя не заметить наличие свойств, подобных ризомным, у наиболее масштабных и одновременно самых драматических явлений начала XXI столетия: цветных революций, гибридных войн, пандемии COVID-19, новых форм социального протеста, «культуре отмены», ЛГБТ-движения и т.д. Это — с одной стороны. С другой стороны, не исчерпаны ресурсы прежней линейной оценки мировых реалий, поскольку более резко очерчены различия типов развития, глобального большинства и глобального меньшинства. Миропорядок искрит от соприкосновения факторов линейного и нелинейного развития. В то же время наряду с такими вызовами постоянно возникают новые конфигурации и возможности.

Для того чтобы их реализовать, следует понимать тонкости обстоятельств времени и места. Таким местом принятия решений и действий становится социальное пространство. Именно так многие исследователи определяют глобальный мир. В нем господствуют экономические и информационно-технологические силы, при этом изменения в одной части планеты могут иметь далеко идущие последствия для судеб отдельных людей или сообществ на другом конце земного шара. Но из-за политического фатализма возрастает угроза того, что подлинные масштабы социальных и экономических изменений будут на порядок превосходить способность национальных правительств или граждан контролировать или оказывать сопротивление этим изменениям [12].

Этот пессимистический взгляд обретает все больше сторонников, тогда как былой оп-

тимизм, присущий апологетам глобализации, потихоньку сходит на нет. Мир перестает быть «плоским», как еще совсем недавно уверял американский журналист, трехкратный лауреат Пулитцеровской премии Томас Фридман. Причем мир теряет «плоскость» именно в тех двух смыслах, о которых этот автор писал. Во-первых, в нем нет плотного сотрудничества людей и единых правил для всех. Во-вторых, место рождения по-прежнему является гандикапом [13]. Вместе с тем мы не можем полностью отказаться от этих выводов хотя бы в том, что настало время нестандартных решений. Человечеству в наши дни необходимо развивать воображение, приобретать гибкие навыки и умение адаптироваться в меняющейся среде, раскрыть свой потенциал, меняя карьеру и область деятельности. Только тогда возникнет то, что Т. Фридман увидел уже сейчас: конкуренция не между странами или транснациональными компаниями, а между людьми. Для этого важно образование, стимулирующее всесторонние способности.

Если еще совсем недавно глобализация преподносилась как торжество потоков идей, людей, финансов, товаров и услуг, знаний, то сегодня уже речь идет не только о ее плюсах, но и минусах, которые приобретают глобальный масштаб. К таковым следует отнести, прежде всего, распространение информации экстремистского и террористического толка, нелегальную миграцию, коррупционные явления и пр.

Одно из главных противоречий современной эпохи возникает вследствие усиливающегося напора глобальных потоков и неспособности различных пространств их принимать. Глобальный поток с его буйным характером и неуправляемостью с трудом ограничивается правовыми рамками, поэтому получающие от этого потока преимущества государства, корпорации и отдельные лица настаивают на замене международного права правилами. Поток мигрантов заставляет ужесточать конкуренцию на национальном или региональном рынке труда ради сбережения присущих этому социальному пространству достижений. «Культура отмены», становящаяся частью потока культурных перемен, в качестве противодействия диктует необходимость возрождения

традиций, часто унижающих человеческое достоинство. Историческая память обращается к прославлению героев былых времен, чтобы закрепить идентичность собственного культурного пространства. Глобальный поток знаний, реализуемый и в форме утечки умов, неизбежно вызывает противодействие в виде уплотнения национального образовательного пространства.

Современный мир заметно отличается от всех предыдущих периодов. Но нельзя не заметить, что, в отличие от XX столетия, XXI век берет из прошлого намного больше того, что отличало общество даже не эпох Научно-технической или Промышленной революций, а ранних времен. Людям в наши дни присуща такая же наивная вера в чудеса и героев, фантастических существ и зачарованные замки, что характеризовала живших в Средние века [14]. Даже то, что большинство подобных представлений локализуется в виртуальном пространстве, не мешает мощнейшему воздействию этих образов на реальную жизнь.

Поток такой информации становится настолько мутным, что требует специальных инструментов и навыков для того, чтобы и в нем, и в других глобальных потоках, на которые он оказывает принципиальное влияние, передвигаться безболезненно. Для этого надо уметь от них отгораживаться. Можно прислушаться к мнению выдающегося этолога, лауреата Нобелевской премии Конрада Лоренса, которому принадлежат замечательные слова: «Каждому человеку традиции его культуры предписывают, чему и каким образом он должен учиться. Но, прежде всего, для него устанавливаются отчетливые границы того, чему он не должен учиться» [15, с. 398]. Оказывается, что эта задача гораздо сложнее, чем возможность свободного «плавания» в потоке знаний, информации, культурных перемен.

Сложность объясняется тем, что в новых реалиях происходят постоянные процессы не только идентификации личности, общества, государства, механизмы которых достаточно отработаны, но и идентификации отдельных пространств. Причем речь идет не только о пространствах географических, которые себя сейчас идентифицируют в новых геополитических определениях, например, как «Большая Евра-

зия». Важнее обратить внимание на сложности, имеющиеся у пространств проблемных: социального, экономического, политического, правового, духовно-нравственного, конфессионального, военного и других. Несмотря на очевидность их предметных полей, Новое осознание их предназначения не происходит автоматически. Оно представляет собой результат решения так называемой *identity problem*, то есть проблемы идентичности, в частности, проявляющейся в симптомах расстройства в передаче опыта или традиции, а также жесткости необходимости отождествления себя с кем-то другим. Признаки подобного расстройства видны в конфликте коренного населения и мигрантов, кризисе мультикультурализма, замене традиционных ценностей на универсальные, ведении военных действий с помощью наемников и пр.

Именно так накапливаются противоречия между тем, что в определенное пространство доставляется благодаря глобальному потоку, и тем, что это пространство готово от такого потока принять и переработать себе на пользу. Для того чтобы снизить накал конфликтности, необходимо:

во-первых, отказаться от ранжирования всего того, что есть в глубине этих потоков, не подходить к ним с точки зрения поиска конкурентных преимуществ, поскольку они не могут быть доставлены извне, а создаются внутри самого пространства;

во-вторых, не расширять предметное поле пространства бесконечно за счет набора данностей, а уметь использовать механизм отбора приоритета;

в-третьих, особое внимание уделять именно тем вопросам, которые вызывают повышенный интерес следующего поколения, учиться смотреть на мир будущего глазами тех, кому предстоит в нем жить.

Эти требования не являются невыполнимыми. С такими ментальными переменами вынуждены считаться и власти, и общественные деятели, и лидеры мнений. Для донесения собственной позиции до масс они часто используют символический язык. В качестве примера можно привести поздравительную картинку ко Дню России с военными шлемами, которой Министерство иностранных дел поздравило

с Днем России в 2022 году, опубликовав ее в Telegram-канале министерства. На открытке были изображены шлемы, которые использовались вражескими армиями разных эпох. В частности, первым в ряду оказался рыцарский шлем топфхельм (нем. *topfhelm* — горшковый шлем), очевидно, символизирующий Тевтонский орден времен Ледового побоища. Далее следуют польский шлем крылатого гусара

времен Смуты XVII века, наполеоновская шляпа и каска солдата Вермахта. Завершает ряд пустой квадрат. А над этими головными уборами размещена надпись: «Мы вежливо просили их не расширяться на Восток». В этой открытке ярко проиллюстрировано как взаимодействие отдельных пространств — географических и проблемных, — так и умение пространства противостоять натиску глобального потока.

Список источников

1. Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 352 с.
2. Прохоренко И. Л. Пространственный подход в исследовании международных отношений. Москва : Ин-т мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, 2015. 111 с.
3. Глобальные трансформации: политика, экономика и культура / Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. ; пер. с англ. В. В. Сапова и др. Москва : Праксис, 2004. 575 с.
4. Зазулина М. Р. Базовые метафоры в социологии: характерные черты и принципы использования // Сибирский философский журнал. 2021. № 19(2). С. 101–116.
5. Терновая Л. О. Пространство свободы в условиях глобализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. № 4. С. 102–112.
6. Стрельцова Е. А. Глобальные потоки технологического знания: место России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 5 (57). С. 39–54.
7. Путин предложил добавить к «четырем свободам» в ЕАЭС свободу знаний // Известия. 2023. 25 мая.
8. Манн М. Источники социальной власти : в 4 т. Т. 4. Глобализация, 1945–2011 гг. / пер. с англ. А. В. Лазарева. Москва : Дело, 2018. 664 с.
9. Сакс Дж. Эпохи глобализации: география, технологии и институты. Москва : Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, 2022. 368 с.
10. Удовик С. Л. Глобализация: семиотические подходы. Москва : Рефл-бук; Киев : Ваклер, 2002. 480 с. (Образовательная библиотека).
11. Deleuze G., Guattari F. Rhizome: Introduction. Paris : Éditions de Minuit, 1976. 74 p.
12. Глобальные трансформации / Д. Хелд, Э. Макгрю, Д. Гольдблатт, Дж. Перратон ; пер. с англ. В. В. Сапова и др. Москва : Праксис, 2004. 576 с.
13. Фридман Т. Плоский мир 3.0. краткая история XXI века / пер. О. Э. Колесникова. Москва : АСТ, 2014. 640 с.
14. Гофф Ле Ж. Герои и чудеса Средних веков / пер. Д. Л. Савосина. Москва : Текст, 2022. 224 с.
15. Лоренц К. Обратная сторона зеркала / пер. с нем. А. И. Федорова, Г. Ф. Швейника ; послесл. А. И. Федорова. Москва : Республика, 1998. 492 с.

References

1. Zamyatin D. N. The power of space and the space of power: Geographical images in politics and international relations. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2004. 352 p. (In Russ.).
2. Prokhorenko I. L. Spatial approach to the study of international relations. Moscow: Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; 2015. 111 p. (In Russ.).
3. Global transformations: politics, economics and culture / Held D., Goldblatt D., McGrew E., Perraton J.; transl. from English by V. V. Sapov et al. Moscow: Praxis; 2004. 575 p. (In Russ.).
4. Zazulina M. R. Basic metaphors in sociology: characteristic features and principles of use. *Sibirskij filosofskij zhurnal = Siberian Philosophical Journal*. 2021;(19(2)):101–116. (In Russ.).
5. Ternovaya L. O. Space of freedom in the context of globalization. *Srednerusskij vestnik obshhestvenny`x nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2007;(4):102–112. (In Russ.).
6. Streltsova E. A. Global flows of technological knowledge: the place of Russia. *Zhurnal Novoje`konomicheskoy associacii = Journal of the New Economic Association*. 2022;(5(57)):39–54. (In Russ.).
7. Putin proposed adding freedom of knowledge to the “four freedoms” in the EAEU. *Izvestiya = News*. 2023. May 25. (In Russ.).

8. Mann M. Sources of social power: in 4 volumes. T. 4. Globalization, 1945–2011 / transl. from English by A. V. Lazarev. Moscow: Delo; 2018. 664 p. (In Russ.).
9. Sachs J. Epochs of globalization: geography, technology and institutions. Moscow: Institute of Economic Policy named after E. T. Gaidar; 2022. 368 p. (In Russ.).
10. Udovik S. L. Globalization: semiotic approaches. Moscow: Refl-book; Kyiv: Wakler; 2002. 480 p. (Educational Library). (In Russ.).
11. Deleuze G., Guattari F. Rhizome: Introduction. Paris: Éditions de Minuit; 1976. 74 p.
12. Global transformations / D. Held, E. McGrew, D. Goldblatt, J. Perraton; transl. from English by V. V. Sapov et al. Moscow: Praxis; 2004. 576 p. (In Russ.).
13. Friedman T. Flat world 3.0. a brief history of the 21st century / trans. by O. E. Kolesnikov. Moscow: AST; 2014. 640 p. (In Russ.).
14. Goff Le J. Heroes and miracles of the Middle Ages / trans. by D. L. Savosin. Moscow: Text; 2022. 224 p. (In Russ.).
15. Lorenz K. The reverse side of the mirror / trans. by A. I. Fedorov, G. F. Shveinik; afterword by A. I. Fedorov. Moscow: Republic; 1998. 492 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. А. Нигматуллина — доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, директор;
Л. О. Терновая — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления.

Information about authors

T. A. Nigmatullina — Doctor of Science (Political), Candidate of Science (Historical), Assistant Professor, Director;
L. O. Ternovaya — Doctor of Science (Historical), Professor, Professor of the Department of Sociology and Management.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 28.08.2023; approved after reviewing 18.09.2023; accepted for publication 25.12.2023.